

чаль, воззрѣнія на свое образованіе, какъ на призваніе. Но гр. Толстой рѣшилъ уже, заключая и обобщая отъ самого себя, что молодые люди спрашиваютъ это только потому, что считаютъ «великимъ преимуществомъ то образованіе, которое они получили», т. е. такъ же горды имъ и такъ же проводили свои лучшіе годы... И потому, разумѣется, искренній вопросъ «хорошихъ молодыхъ людей» остается безъ отвѣта, такъ какъ не отвѣтъ же тотъ реириандъ, какой они получаютъ въ формѣ совета гр. Толстого: «спросить себя, хорошія или дурныя свойства суть то, что они называютъ своимъ образованіемъ?» и что «если они это сдѣлаютъ, то они неизбѣжно будутъ приведены къ *необходимости отречься* отъ своего образованія и начать учиться снова...» Выходитъ, значитъ, что хороший молодой человѣкъ ушелъ съ носомъ, а тѣ начала, которыхъ, можетъ быть, были въ немъ и которыхъ гр. Толстой могъ лишь укрѣпить (не игнорируй онъ такъ «средняго» человѣка и реальнаяя требование жизни), не только не укрѣпились, но, вѣроятно, и вовсе заглохли. Вотъ такъ-то и пропадаетъ, какъ увидимъ, хорошая, *положительная* сторона «проповѣднической» дѣятельности гр. Толстого, которая есть въ ней, какъ мы покажемъ это ниже.

На самомъ дѣлѣ— не «отречься отъ своего образованія» должно бы быть признакомъ «покаянія», если я, дѣйствительно, находился въ положеніи человѣка «гордаго» имъ, а лишь—перестать быть тщеславнымъ, убѣдившись, что образованіе это налагаетъ на меня столько же обязанностей, сколько и правъ, если не больше: таковъ *этический* взглядъ на это образованіе. Черезъ этотъ взглядъ, въ примѣненіи его, вмѣстѣ съ знаніями и средствами своими, къ практической жизни, на пользу народу, — я бы больше достигъ, чѣмъ безконечнымъ «покаяніемъ» (говоримъ «без-